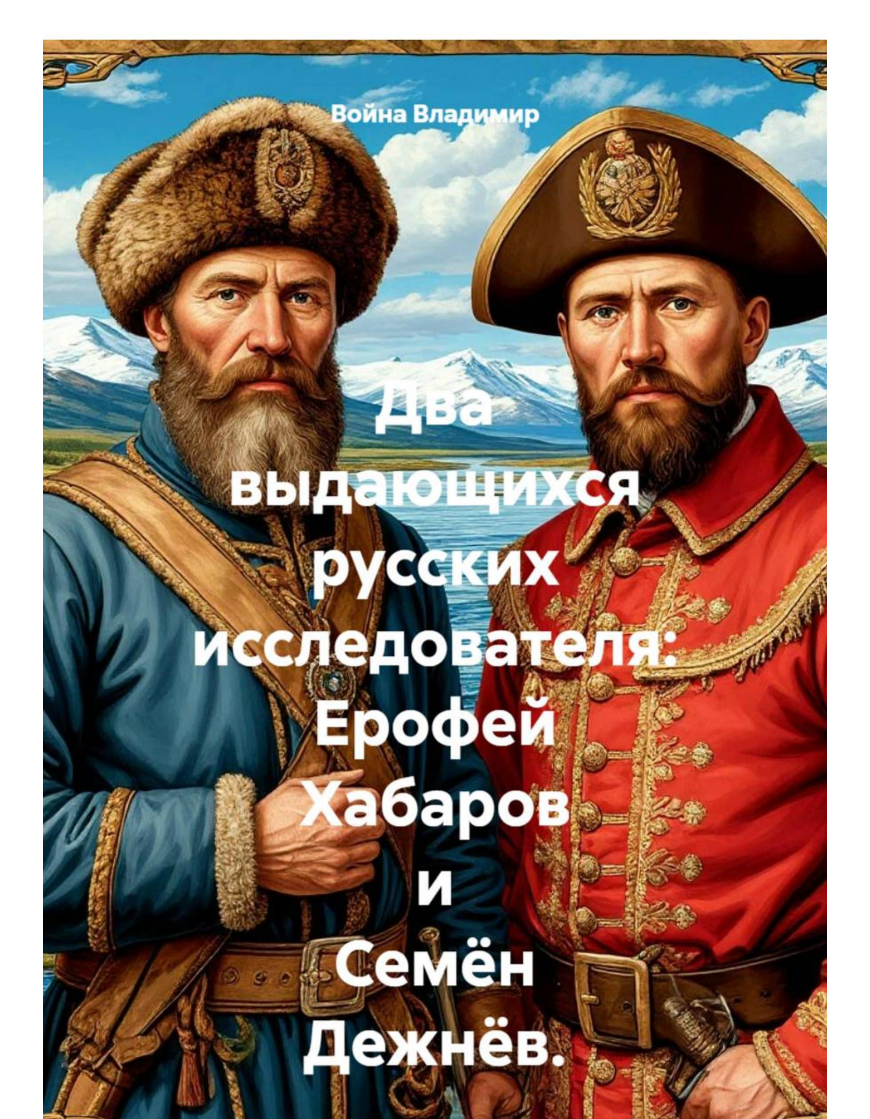

Война Владимир

Два
выдающихся
русских
исследователя:
Ерофей
Хабаров
и
Семён
Дежнёв.

Война Владимир Два выдающихся русских исследователя: Ерофей Хабаров и Семён Дежнёв.

<https://litres.ru/74460952>

SelfPub; 2026

Аннотация

Настоящее издание объединяет историю, посвящённую двум выдающимся русским землепроходцам XVII века — Ерофею Павловичу Хабарову и Семёну Ивановичу Дежнёву, — с современными аналитическими главами, раскрывающими исторический контекст, механизмы государственного управления Сибирью и психологию людей фронта.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей русских географических открытий, историей Сибири и Дальнего Востока, а также вопросами государственного строительства и развития. Она будет полезна историкам, краеведам, студентам гуманитарных специальностей и всем, кто стремится понять, как складывалась самая большая страна мира.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Два выдающихся русских исследователя: Ерофей Хабаров и Семён Дежнёв.

Глава

Глава 1. Ерофей Хабаров: путь от солевара до завоевателя Даурии

Происхождение и первые годы

Среди многих русских людей из простого народа, оказавших отечеству более или менее важные услуги, не последнее место занимает посадский — то есть, говоря по-нашему, мещанин города Великого Устюга (Вологодской губернии) Ерофей Павлович Хабаров.

О времени рождения, молодости и первоначальной деятельности Хабарова нет никаких сведений. Известно только, что в начале XVII века он занимался вываркой соли в городе Сольвычегодске (той же губернии, в 30 верстах от Устюга).

Неизвестно также, какие обстоятельства — неудачи, нужда или желание попытать счастья на новом месте — заставили Хабарова бросить родину и отправиться в Сибирь, носившую прозвище «золотого дна» для одних и бывшую местом ужаса для других. Такие мнения существовали издавна

и, кажется, существуют и теперь.

Необходимо заметить, что из всех славянских племён новгородцы отличались наибольшей смелостью, предприимчивостью и склонностью к разведкам и поиску новых земель. Новгородцами основаны поселения и занято много городов, посадов и сёл на севере и северо-востоке Европейской России. Ещё до татарского нашествия и последовавшего за ним погрома они заселили пространство от Кубенского озера, рек Шексны и Северной Двины до Камы и даже за Камой, вплоть до Камня — по-нынешнему Уральского хребта. Когда же знаменитый Ермак завоевал Сибирь, вслед за ним и его спутниками вскоре последовали многие из жителей северных городов, заселённых потомками новгородцев.

Пути, по которым двигались как казаки-завоеватели, так и мирные, хотя и вооружённые на всякий случай поселенцы — жители северной России, были преимущественно, вернее даже исключительно, речными.

Перевалив за Камень, то есть через горный хребет, путники достигали левых притоков реки Оби, по ним спускались в Обь; потом поднимались по правым притокам до следующего волока к другой огромной сибирской реке — Енисею. Таким же образом с Енисея добирались до Лены, третьей реки, превосходящей по своей величине обе первые.

Каким путём добрался до Лены Хабаров — нет никаких сведений. Известно только, что он, найдя солёные ключи при устье Куты, как знающий своё дело солевар, положил осно-

вание Усть-Кутскому солеваренному заводу, существующему в казённом ведомстве и поныне.

Усть-Кутский солеваренный завод и конфликт с воеводой

В руках человека предприимчивого, умного, смелого и знающего своё дело, оно пошло превосходно. Соль была нужна всем, но нигде по соседству её не добывали, а доставляли из очень отдалённых мест, что при тогдашнем бездорожье сильно возвышало ценность этого необходимого для людей предмета.

Легко могло стать, что тут пришлось бы и вековать великоустюжскому посадскому, но судьба решила иначе. Якутский воевода, узнав об успешных действиях Хабарова и значительных доходах, доставляемых заводом, взял варницы в своё ведение.

Ещё гораздо ранее основания завода при устье Куты казаки и охочие люди с Лены пробрались до великого моря-океана и положили там основание нынешнему городу Охотску. Здесь они узнали о существовании где-то на юге какой-то огромной реки, впадающей в то самое море-океан, на берегу которого появилось первое русское укрепление — по-тогдашнему острожек. Кочующее, точнее бродячее в окрестностях тунгусское племя — гиляки сообщили нашим пришельцам, что там далеко, на полдень, находится Ямург, что значит по-русски «большая река». Это гиляцкое слово наши приняли за название реки и наименовали её Амуром. Об Амуре пошли толки, слухи и рассказы; говорили, что на

этой реке изобилие всех благ земных. Всего вволю и вдоволь: и хлеба, и мяса, и рыбы, а главное водки — сколько хочешь. Что соболей можно бить бабам коромыслами. Мало того, что будто бы там камней самоцветных, серебра и золота видимо-невидимо. Как не воспользоваться такой благодатью? Охотники скоро нашлись, но успеха не имели. Одни, каких была большая часть, пропадали без вести; другие же хотя и возвращались, но с пустыми руками и рассказами о страшной силе вражеской. Правда, что кое-кому, хотя и очень немногим, удавалось приносить с собою соболяшки, золотые и серебряные вещицы и точные сведения о действительном существовании водки, только не хлебной, а просяной, впрочем такой же забористой.

Пути к северу и востоку были изведаны казаками и охотчими людьми, и они отлично знали, что, пойдя в эти страны, натерпишься и холода, и голода; но людей бояться нечего, беды от них не будет, а скорее нажива. Стрельнул раз-другой из пищали — и бери что хочешь: всё твоё. Этим наши удалыцы пользовались и, надо сказать правду, не всегда и не совсем по совести. Ну, да кто Богу не грешен, царю не виноват! В те прошедшие времена на некрещёного инородца многие, даже самые добрые и богобоязненные люди, смотрели как на нечистое животное и не признавали в нём человека; и так делалось не у нас одних, а во всём свете.

Путь к югу был и теплее, и сытнее, зато поопаснее. Дело в том, что здесь начинались владения обширного Китайско-

го государства, по-своему высокообразованного. Китайских подданных нельзя уже было пугать и разгонять огнестрельным оружием: у них водилось своё такое же; оно действительно было плохое, но и у наших пищали, дробовики и волкомейки (то есть фальконеты) были не лучше. Против наших силы, отваги и смелости китайцы выставляли свою силу — многочисленность. Кем-то когда-то сказано, что «семеро одного не бьют». Положим, что это не всегда верно, а у китайцев не редкость и не диковина послать на одного не семь, а семьдесят семь! Начни такую тучу резать как баранов, и то руки устанут и нож затупится! А ведь это, во всяком случае, не бараны, а такие же живые люди, как и все, и к тому же люди вооружённые. Возвратившиеся с таинственного Амура люди, кроме блестящих безделиц и сведений о нахождении там водки, считавшейся тогда в Сибири драгоценностью, приносили с собою не менее соблазнительное и к тому же строго запрещённое растение — табак. Стоит только припомнить, что по тогдашним законам за «питьё», то есть курение, табака и «уживанье» (поханье) виновных, изобличённых в таких тяжких преступлениях, немилосердно наказывали. Самая жестокость наказаний уже показывает, насколько табак был соблазнителен. Нет сомнения, что на Амуре русские люди познакомились с другим зельем, тоже проклятым, хотя гораздо слабее, чем табак. Менее проклятое зелье был самый невиннейший из всех напитков — чай, который, впрочем, входил в употребление и распространялся крайне

медленно и потому тогда не мог служить такой приманкой, как табак и водка.

Поярков и первые разведки Амура

Первые сведения или, точнее, слухи о новой великой реке, ещё не имевшей настоящего названия, доставил томский казак Иван Москвитин, отправленный в 1639 году с 12 красноярскими казаками с реки Лены к востоку для разведок. Москвитин поднялся по правому притоку Лены — Алдану, а потом — где реками, а где и сухопутьем — дошёл до той части Восточного океана, которая теперь известна под именем Охотского моря.

Тогдашний якутский голова, стольник Пётр Петрович Головин, побуждаемый настоятельными просьбами многих, желавших попытать счастья в новой неведомой стране, сулившей такие богатства и выгоды, разрешил письменному голове Василию Пояркову отправиться в поход с охочими людьми. Таких людей, желавших идти с Поярковым, набралось так много, что иным пришлось отказывать. Набрались по тогдашнему времени силы в 132 человека! И действительно, для людей, имевших за обычай сам-шесть покорять целые племена и завоёвывать обширные области, отряд в 132 человека мог казаться большой силой.

Отправившись по назначению, Поярков беспрепятственно достиг большой реки, встречая на своём пути только бродячих инородцев тунгусского племени; по реке же далее оказались осёдлые дауры, занимавшиеся земледелием и ското-

водством. Пришельцев повсеместно принимали ласково и охотно снабжали съестными припасами безвозмездно. Даурские старшины и князьки выходили навстречу с подарками. На расспросы о серебре жители повсюду отвечали, что такого металла у них нет, и если страна считается богатой, то это только по изобилию в хлебных растениях разного рода.

Заняв какое-то прибрежное селение, Поярков послал вперёд 50 человек своих подчинённых в даурский город Молдишкан. Русских там встретили дружески и как нельзя лучше, но они своей наглостью, жадностью и бесчинствами до того раздражили своих приветливых и радушных хозяев, что те подняли оружие. Произошла схватка, в которой было 10 русских убито и втрое больше ранено. Уцелевшие с большим трудом и кое-как добрались до своего начальника. Желая поправить дело, Поярков пошёл сам; но раз возникшие враждебные отношения не прекращались. Жители или уходили, или упорно оборонялись. О прежнем гостеприимстве не было и помина. Спустившись по большой реке, названной русскими, как уже было выше сказано, Амуром, Поярков дошёл до правого притока этой реки, известного у местных обитателей под именем Уссури. Все прибрежные по среднему течению Амура поля были отлично обработаны и покрыты хлебными растениями и превосходными овощами. От устья Уссури вниз по Амуру до впадения этой реки в море Поярков отправил 25 человек; но из них возвратилось только двое, и то далеко не дошедших до места своего назначе-

ния; остальных побили дауры. После этого грустного события Поярков снова отправился сам лично и благополучно дошёл свой отряд до моря. Бедное и безоружное племя гиляков не оказывало никакого сопротивления.

Летом 1643 года Поярков, потеряв половину своего отряда, возвратился в Якутск. Там, подтверждая несомненные богатство и изобилие страны, письменный голова говорил о возможности присоединить всю приамурскую область к русским владениям, для чего, по его мнению, было бы достаточно 300 вооружённых казаков с приличным количеством свинца и пороха.

Возвращение Пояркова с богатой и разнообразной добычей и вместе с тем потерявшего половину людей, но не от голода, холода и скорбута (цинги), к чему уже давным-давно привыкли и признавали в том Божью волю и особенности местности, а от неприятельского оружия, — произвело сильное и неприятное впечатление. В рассказах, как это всегда случалось и случается, сильно преувеличивали богатства и удобства новой страны, но зато слухи об опасностях возрастали до невероятия и совершенной невозможности.

Хабаров берёт дело в свои руки

Предположенный Поярковым новый поход на Амур легко мог бы осуществиться, если бы у смелого письменного головы не появился опасный соперник в лице бывшего солеваря великоустюжского, Ерофея Павловича Хабарова, бравшегося овладеть всей Амурской областью, не вводя правитель-

ство, или, как тогда говорили и писали, Государеву казну, ни в какие издержки и расходы. Даже за необходимые для исполнения предприятия свинец, порох и оружие Хабаров предложил собственные деньги, с тем только условием, чтобы ему платить по действительным казённым ценам. Единственная просьба к начальству заключалась в том, чтобы оно не препятствовало охочим служилым людям присоединяться к хабаровской партии. Легко могло стать, что исполнение этой просьбы в Якутске могло бы затянуться, по общему обычаю всех тогдашних воеводских приказов (канцелярий), надолго, пожалуй даже застрять навсегда, но, на счастье Хабарова, вновь назначенный якутским воеводой Дмитрий Францбеков, не доезжая до своего города, зазимовал в Илимске. Францбеков разрешил немедленно, без мотчанья и волокиты, как писали и говорили подьячие того времени.

Сбор желающих начался, но шёл очень неуспешно. Оказалось, что большая часть как промышленников, так и служилых и охочих людей до того были напуганы рассказами спутников Пояркова, что многие решительно отказывались, даже самые смелые и отважные люди, и только к концу лета 1647 года Хабарову удалось составить партию в 80 человек вместо 250 или 200. Предприятие казалось неосуществимым, но предводитель этой горсти людей думал иначе и направился в малоизвестную и к тому же, как утверждали бывалые люди, опасную страну, и вдобавок по новой, ещё неизведанной дороге. На реке Тугире партии пришлось провести тамошнюю

лютую зиму, что для привычных людей и к тому же в лесистой местности не могло представиться особенно затруднительным. На Тугире был срублен городок и поставлены избы для жилья. Здесь Хабаров пробыл до 12 января 1648 года. Во время зимовки труднее всего было переносить недостатки в продовольствии. Нужда доводила русских людей до того, что они, по-тунгусски, ели белок, что делалось и делается до сих пор только в крайности. Несколько позже казаки приплыли прямо в Амур и поплыли по этой реке. Первое даурское укреплённое селение, у которого наши высадились, был известный и знаменитый впоследствии Албазин. Жителей в селении не было: они, без сомнения, скрылись, узнав о скором прибытии непрощеных и неприятных гостей. Люди Пояркова не могли оставить после себя доброй славы. Ниже Албазина по течению Амура было встречено ещё четыре укреплённых селения, и все точно так же без жителей, как и первое. Хабаров и его спутники в оставленных и, как по всему было заметно, в попытках жилищах искали серебра, которого, по слухам, на Амуре видимо-невидимо; но серебра нигде не оказалось; зато было найдено что-то более существенное и необходимое. Это были огромные запасы зернового хлеба, который в Даурии имеют обычай, точно так же как и в некоторых местностях европейской России, хранить в ямах, нарочно для такого употребления приготовленных.

В оставленных жителями укреплённых селениях попадалось много лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, сви-

ней и домашней птицы.

Вот тогда-то, без сомнения, разговелись вволю невольные постники. А вдобавок тут же, под боком, река с бесчисленным множеством рыбы, и какой ещё рыбы! Например, в Амуре ловится особый вид осетра, прозванный нашими калугой, нередко до 15 пудов весом. А иной раз приходит рыба кета (по-великорусски лососина) такими табунами, что можно ловить едва не голыми руками. В соседних и окрестных местах водилось много пушного зверя.

В пятом, считая от Албазина, селении была найдена старая женщина, назвавшая себя сестрой князя Лавкая, первые вести о котором были принесены ещё ранее Пояркова. Ниже пятого селения явился и сам Лавкай с небольшой свитой, и все верхами, на хороших лошадях.

— Что вы за люди? — спросил Лавкай.

— Мы мирные промышленники, — отвечали хабаровцы.

— Неправда. Вы пришли к нам с тем, чтобы грабить и убивать, только мы не дадимся...

— Нет, мы ссоры и драки затевать не будем, а если вы нас заденете, то получите сдачи, пожалуй даже с придачей!

После этого разговора Лавкай и его свита ускакали. Наши стали было их преследовать, но догнать не могли.

Оставив сестру Лавкая там же, где её взяли, Хабаров спокойно и без всяких неприязненных действий возвратился в Албазин.

Удостоверившись, что с таким ничтожным числом людей

не только трудно, но решительно невозможно предпринять что-нибудь значительное, Хабаров с несколькими спутниками налегке поспешил в Якутск за подмогой. Конечно, он явился не с пустыми руками. Все же остальные сподвижники зазимовали в Албазине, укрепив его по-своему. Впрочем, в укреплении не оказалось никакой надобности: их никто не тронул.

Возвращение с подкреплением и первые победы

Ерофея Павловича в Якутске приняли хорошо. Сам здоров и невредим, спутники тоже целы, и потому явились желающие попытать и поискать счастья и удачи в дальних Даурах. Набралось охочих людей счётом 117 человек и 21 казак. Таким образом, считая с оставшимися в Албазине, у Хабарова в отряде оказалось более 200 человек — достаточная, по его убеждению, сила для покорения и удержания в русской власти всего Амура до самого моря-океана. Вновь набранные люди вместе со своим предводителем дошли до Албазина осенью 1650 года. Здесь все перезимовали и следующей весной выступили в поход, то есть поплыли по Амуру. Пройдя довольно далеко беспрепятственно, на левом берегу реки наши встретили ещё невиданное ими сильное даурское укрепление, состоявшее из трёх взаимно соединённых отдельных фортвов. На требование немедленной сдачи дауры отвечали стрелами. Тогда Хабаров приступил к осаде. В укреплении находился, кроме вооружённых дауров, небольшой маньчжурский отряд, вначале принимавший участие в

обороне. Впрочем, маньчжуры скоро оставили укрепление и вышли в поле, предоставив даурам распоряжаться самим, как знают и как умеют. Наши маньчжуров не тронули. Дауры продолжали пускать в наших удальцов такую массу стрел, что всё пространство перед укреплением имело вид засеянного поля.

Возвращаясь из Якутска в Албазин, Хабаров привёз три орудия, при помощи которых все форты вскоре были взяты один за другим. Более 600 даурских трупов служили ясным доказательством стойкости неприятеля. С нашей стороны было убито 4 и 45 человек ранено. В ямах занятых укреплений было найдено много детей, женщин и домашних животных. Здесь же промышленники добыли несколько серебра, золота и разных, никогда не виданных ими прежде, китайских изделий и товаров.

По словам взятых в плен дауров, маньчжурский отряд находился в укреплении только временно, прибыв с правого берега реки для сбора дани. Вскоре к Хабарову явился один из маньчжурских начальников, но по незнанию языка и неимению переводчика всё, что он говорил, или о чём просил, или чего хотел, — осталось неизвестным. Пробыв 6 недель в занятом укреплении, Хабаров снова поплыл вниз по Амуру. Вблизи левого большого притока Амура, реки Зеи, встретился большой и богатый даурский город, занятый после незначительного сопротивления.

Дауры покорились, дали присягу на верность и поддан-

ство Московскому Государю и обязались платить дань. Вначале всё шло отлично, но вдруг в одну ночь все дауры скрылись, без сомнения, по приказанию китайского начальства.

Стычки с маньчжурами и великая победа

На возвратном пути Хабаров зимовал, не доходя Албазина. Зимой племена дучеров и ачанцев, с которыми русские до тех пор жили в ладу, сделали, вероятно по внушению китайцев, нечаянное изменническое нападение, но были отбиты. Рассвирепевшие хабаровцы жестоко отомстили предателям: дучеры и ачанцы были истреблены почти поголовно, причём не щадился ни пол, ни возраст. Уцелели одни только успевшие скрыться бегством. После кровавой расправы до весны 1652 года всё шло спокойно; в это же время как Хабаров, так и его спутники были изумлены и поражены раздавшимися вблизи, на правом берегу, пушечными выстрелами. До сих пор наши только слышали, что будто бы огнестрельное оружие давно и хорошо известно маньчжурам, а теперь пришлось убедиться воочию в действительности этих слухов, казавшихся многим сомнительными.

У русского укрепления, построенного кое-как и вооружённого только тремя небольшими орудиями (перевозка больших из Якутска на Амур, тяжёлая и теперь, тогда была совершенно немыслима), явился сильный маньчжурский отряд и потребовал немедленной, безусловной сдачи. Хабаров вместо ответа открыл огонь. Маньчжуры пошли на приступ, но были отбиты. Многочисленного неприятеля, более кажет-

ся, всего стесняло только следующее приказание китайского императора (богдыхана): «стараться всеми мерами захватить русских живьём». После удачно отбитого приступа хабаровцы дерзнули сделать вылазку, которая тоже удалась как нельзя более. Маньчжуры ушли, оставивши в наших руках более 700 трупов и всю свою артиллерию. Одно из самых большекалиберных китайских орудий, к общему удивлению, оказалось глиняным. Русские в делах с маньчжурами потеряли 10 человек убитыми и 78 ранеными.

Победа с нашей стороны была полная и решительная. Множество маньчжуров очутилось в плену. При этом обстоятельстве Хабаров поступил вопреки обычаям того времени, бывшим в употреблении даже в образованных государствах, где пленных или убивали поголовно, или насильно ставили в свои ряды, или употребляли на самые тяжкие работы, если же отпускали, то не иначе как за выкуп. Ерофей Павлович отпустил всех пленных даром, не лишая их ни имущества, ни ручного оружия. Он ясно понял, что ему придётся иметь дело не с бессильными тунгусскими и даурскими племенами, а с огромным государством.

Подкрепление Чечигина и разлад в отряде

Вскоре после победы Хабаров возвратился в Албазин, не подвергаясь никаким нападениям. В Албазине, к общему восхищению всего отряда, узнали о пришедшей подмоге в 144 человека под начальством казака Третьяка Чечигина. Чечигин, давно уже пришедший в Албазин, не имел о

Хабарове никаких положительных сведений. Бродячие инородцы, изредка встречавшиеся с казаками в Албазине и его окрестностях, показывали различно. По словам одних, Хабаров ушёл к морю и там вероятно остался. Другие утверждали, что все русские поголовно истреблены маньчжурами. Желая узнать что-нибудь повернее, Чечигин ещё в мае послал вниз по Амуру 20 человек под начальством казака Нагибы; но посланные на пути разъехались с Хабаровым, что, принимая во внимание ширину реки, имеющей множество островов и протоков, в особенности при весеннем половодье, было весьма возможно и легко.

Из Албазина Хабаров спустился до устья реки Зеи (здесь в настоящее время, недалеко, губернский город Амурской области Благовещенск), где у него вышел большой разлад между подчинёнными. Одни хотели плыть далее вниз, к морю, другие, и в том числе сам Хабаров, остаться на месте. Несогласие дошло до того, что грозило страшным делом — междуусобицей. Не желая дать повода к гибельному братоубийству, Ерофей Павлович предложил людям разделиться полюбовно. Так и сделали: одни, в числе 136 человек, настояли на своём и поплыли к низу, прочие остались с Хабаровым. Первые погибли все без исключения, по крайней мере о них ни слуха, ни духа не было никогда. Считая своё положение в приамурской стороне довольно упроченным, Ерофей Павлович отправил в Якутск маленький отряд, или, как говорили тогда, станицу, с богатыми подарками и большим коли-

чеством ясака, то есть пушного товара, собранного «на государя». Несколько человек из этой станицы якутский воевода послал в Москву с радостным известием о приобретении такой громадной богатой страны, как приамурская Даурия. В Москве это известие было принято с восторгом. Хабарову и наиболее отличившимся его сподвижникам были пожалованы награды. Во вновь завоёванную область был назначен главным наместником окольный князь Лобанов-Ростовский. Тогда же было предположено собрать 3000 войска с нужным числом артиллерийских орудий и большими запасами свинца и пороха. Для подготовки как боевых сил, так и военных принадлежностей был послан в Якутск дворянин Дмитрий Зиновьев, снабжённый особыми правами и полномочиями.

Комарский Острог и интриги Зиновьева

Пока амурские посланцы ехали из Албазина в Якутск, а потом из Якутска в Москву; пока были обдуманы и сделаны нужные распоряжения, да пока московский дворянин прибыл на место, — прошло немало времени. Но оно у Ерофея Павловича не пропало даром. Он заложил и построил большое и, принимая в соображение местные условия, довольно сильное укрепление, получившее название Комарского Острога.

Хабаровское посольство в Москву, блестевшее шелками, серебром и золотом, в богатейших собольих шубах, производило сильное впечатление по всей длинной сибирской доро-

ге. Число желающих направиться в новую обетованную землю возросло до того, что многие воеводы стали подавать жалобы и задерживать желающих. Из донесений некоторых воевод можно было видеть, что они опасались остаться без подчинённых людей, а в таком случае какой толк и какая надобность и корысть воеводствовать. Движение было в особенности сильно по Лене и в Ишимском округе, где были устроены даже особые заставы для задержки всех имевших намерение переселиться без дозволения начальства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.